

Элатив в пермских языках: межъязыковые различия

Г. А. Некрасова

Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр»

Уральского отделения РАН,

г. Сыктывкар, Российская Федерация,

komilang@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Введение. Становление падежных систем пермских языков происходило на протяжении многих столетий под влиянием разных тенденций, имевших место в разные исторические периоды: от прауральского языкового состояния до времени обособленного существования коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков и их диалектов. В ходе исторической эволюции языков менялись морфологические и функционально-семантические характеристики общепермских падежей, поэтому актуальным является выявление общих и дистинктивных признаков падежных систем родственных языков.

Цель: выявить различия в семантической структуре элатива в коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках.

Материалы исследования: эмпирическую базу исследования составили оригинальные тексты на коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках из печатных источников и электронных корпусов.

Результаты и научная новизна. В работе впервые предпринято сопоставительное исследование семантической структуры элатива пермских языков. Установлено, что в каждом из пермских языков элатив имеет специфические функционально-семантические особенности. Соответствия элативу в пределах пермской группы языков распадаются на две группы. Первую составили аблатив, эгрессив и послелого, диахронически восходящие к элативным словоформам, что позволяет допустить реконструкцию пространственного значения прапермского элатива как элативно-аблативную. Вторую группу соответствий образовали послелог кп. *понда*, удм. *понна* 'за', инструменталь и аккузатив, что выделяет элатив коми-зырянского языка на фоне удмуртского и коми-пермяцкого языков. В дальнеродственных языках элативу в таких случаях соответствуют падежные и послеложные единицы с элативной и неэлативной семантикой, причём элативные характерны для прибалтийско-финских и мордовских языков, неэлативные – для марийского языка. Специфические значения коми-зырянского элатива можно отнести к явлениям, возникшим в результате языковых контактов. В научный оборот вводятся новые данные, которые могут быть использованы в сравнительно-исторических и типологических исследованиях падежей.

Ключевые слова: внутригенетическая типология, финно-угорские языки, пермские языки, морфология, категория падежа, элатив, семантика

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Некрасова Г. А. Элатив в пермских языках: межъязыковые различия // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 74–83.

Elative in the Permian languages: interlanguage differences

G. A. Nekrasova

Institute of Language, Literature and History,

Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Syktывkar, Russian Federation,

komilang@gmail.com

ABSTRACT

Introduction: the formation of the case systems of the Permian languages has been going on for many centuries under the influence of various trends occurring in different historical periods: from the Proto-Uralic language state to the time of the separate existence of the Komi-Zyryan, Komi-Permian and Udmurt languages and their dialects. In the course of the historical evolution of languages, morphological and functional-semantic characteristics of common Permian cases have been changed; therefore, it is relevant to identify common and distinctive features of case systems of related languages.

Objective: to identify differences in the semantic structure of the elative in the Komi-Zyryan, Komi-Permian and Udmurt languages.

Research materials: the empirical basis of the study was original texts in the Komi-Zyryan, Komi-Permian and Udmurt languages from printed sources and electronic corpora.

Results and novelty of the research: for the first time, a comparative study of the semantic structure of the elative of the Permian languages was undertaken. It was established that in each of the Permian languages, the elative has specific functional and semantic features. Correspondences to the elative within the Permian languages divide into two groups. The first one consisted of ablative, egressive and postpositions, diachronically ascending to elative word forms, which allows us to reconstruct the spatial meaning of the proto-Permian elative as elative-ablative. The second group of correspondences was formed by the postposition *ponda* (нонда) ‘for’ in the Komi-Permian and the postposition *ponna* (понна) ‘for’ in the Udmurt language, as well as the instrumental and the accusative. It distinguishes the elative of the Komi-Zyryan language against the background of the Udmurt and Komi-Permian languages. In related languages, case and postpositional units with elative and non-elative semantics correspond to the elative in such cases, and the elative ones are characteristic for the Baltic-Finnish and Mordovian languages, the inelative ones – for the Mari language. The specific meanings of the Komi-Zyryan elative can be attributed to the phenomena that arose as a result of language contacts. New data are introduced into scientific circulation, which can be used in comparative historical and typological studies of cases.

Key words: intra-genetic typology, Finno-Ugric languages, Permian languages, morphology, case category, elative, semantics

Acknowledgements: the publication is prepared as part of the implementation of the state task of the Federal Research Center Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the state registration number of the project FUUU-2021-0008 «Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals».

For citation: Nekrasova G. A. Elative in the Permian languages: interlanguage differences // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (1): 74–83.

Введение

В финно-угорском языкознании наблюдается постоянный интерес к синхронному и диахроническому исследованию падежа как одной из важнейших грамматических категорий имени существительного [13; 14; 16; 17; 22]. В связи с выявлением типологического развития семантики падежей интерес представляют падежи, показатели которых восходят к праязыковым состояниям. В пермских языках большинство падежей, в том числе и элатив, унаследованы от обще-пермского языка [4; 20, 143–149; 29, 173–194; 32, 380–384].

Долгое время показатель элатива пермских языков рассматривался как палатализованный вариант лативного суффикса *-s, возводимого к финно-пермскому периоду. Однако Е. С. Гуляев, учитывая регулярные соответствия согласных фонем в финно-угорских языках, убедительно доказал, что суффикс пермского элатива этимологически не может быть связан с показателем финно-волжского латива. По его предположению, он развился в эпоху прапермского языка на основе односложной лексемы с локативной семантикой [4, 135–137]. В современном финно-угроведении преобладает точка зрения, согласно которой, источником элативного форманта послужил деривационный суффикс *nomen possessi* [20, 147; 29, 187; 32, 381–382; др.].

Целью статьи является выявление различий в семантической структуре элатива в коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках.

В рассмотрение включены только те значения, которые представлены в двух и одном из родственных языков.

Материалы и методы

Основным источником исследования явились материалы Корпуса удмуртского языка (далее – КУЯ) [11] и Корпуса коми языка (далее – ККЯ) [10], а также фольклорные и художественные тексты на коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы, приёмы семантического анализа.

Результаты

В пермских языках элатив, кроме общих черт, имеет специфические значения, которые представлены только в двух и одном из языков группы.

Семантические особенности элатива в коми языках

В коми языках элатив выражает ряд значений, которые в удмуртском языке входят в семантическую зону аблатива и послелого *сярысь* ‘о’.

1. Значение стимула эмоций. При глаголах, описывающих эмоциональное состояние участника ситуации, а также слов категории состояния элатив указывает на объект или ситуацию, которые воспринимает или на которые реагирует субъект действия. Примеры: кз. *Õni Памайс серам выв лэптöны: бийсь повзис, ваё эз пыр.* (В. Тимин) ‘Сейчас смеются над Памой: огня

испугался, в воду не полез'; кп. *Нывка повзял эна кыввезись да чоужжык пöлянсö сетас пöри-сьжык сойыслö*. (фольклор) 'Девочка испугалась этих слов и быстро отдала дудку старшей сестре'.

В южных, спорадически в северных коми-пермяцких диалектах актант глагола *повны* 'бояться' маркируется также показателем аблатива, как и в удмуртском языке [15]. Примеры: кп. *Ярашко полис кодь Микешыслись и кывзис сийö*. (В. Климов) 'Ярашко побаивался Микеша и слушался его'; удм. *Сьöд пилемлэсь кышкаса, зорлэсь азьло ик эн пегры*. 'Испугавшись чёрной тучи, раньше грозы не убегай' [27, 40].

2. Значение нежелательного участника ситуации/нежелательной ситуации. При глаголах кз. кп. *дорйыны* 'защищать', *мездмыны* 'освободиться', *мынны* 'освободиться, уйти', кп. *сайöвтны* 'спрятать, прятать', *сайласьны* 'прятаться, избегать' элатив указывает на факультативного участника, присутствие которого в ситуации нежелательно, а также ситуацию, которая нежелательна для участника. Примеры: кз. *Лукавöйысь молитваöн мынан, омöль мортысь некыдз он мын*. (фольклор) 'От лукавого молитвой избавишься, а от плохого человека никак не избавишься'; кп. *Сэтöн нывкаыс кыдзкö эд мезмис «варышыс» гыжжезись*. (С. Федосеев) 'Тогда девочка как-то ведь сумела вырваться из когтей «ястреба»'.

В коми-пермяцком языке в таких контекстах параллельно с элативом употребляется эгрессив, в удмуртском языке – аблатив [15; 17, 473].

3. Значение стандарта сравнения. В коми-зырянских диалектах, а также в мысовско-лупьинских говорах коми-пермяцкого языка элатив употребляется для указания на участника ситуации, который выступает в качестве стандарта сравнения при определении подобных ему свойств, качеств у другого участника. Примеры: кз. *Лунын мортысь ыджыд, а войын байдöгысь дзоля*. (мегыр) (Загадка) 'Днём выше человека, а ночью меньше куропатки'; кп. вл. *Тэ томжык мамöись*. 'Ты моложе моей матери' [1, 152]. В мысовском говоре элатив находится в отношении варьирования с компаративом: кп. мыс. *вынажжык кöинись* (~ *кöинся*) 'сильнее волка' [1, 152].

Стандартным средством выражения значения сравнения в коми-пермяцком языке является компаратив, в удмуртском языке – аблатив:

кп. *Чулаліс годся унажжык ни, кыдз Светлана уджаліс главнöй зоотехникöн горт колхозын*. (Т. Фадеев) 'Прошло уже более года, как Светлана работала главным зоотехником в родном колхозе'; удм. *Куректон но бöрдон пуртлэсь но лэчыт*. 'Горе и печаль острее ножа' [27, 45].

4. Значение темы сообщения. В ряде коми-зырянских (лузско-летском, удорском) диалектов элатив может выражать передаваемую, получаемую информацию при речемыслительных глаголах: кз. лл. *Öринс'ыс муйкö кыллин-ö?* 'Слышала ли ты что-нибудь об Арине?' [6, 47]; уд. *Уджалан кадрьясысь мый верманныд шуны?* (Н. Калинина) 'Что можете сказать о работающих специалистах?'.

Элатив в значении темы сообщения был характерен для коми-пермяцкого языка XIX в.: кп. *Любимöй книгаезöн сьлöн вöлöмась лыдьдетны Еньись и святöйеись* [23, 4] 'Его любимыми книгами были книги о Боге и святых'; *Зыряннэз висьталлöмась сьлö аслангысь вераись, оланьись и обычайезысь* [23, 4] 'Зыряне рассказали ему о своей вере, жизни и обычаях'.

Стандартным средством выражения значения темы сообщения в пермских языках являются послелогои кз. *йылысь*, кп. *йылись*, удм. *сярысь* 'о', которые развились на основе элативных словоформ.

Семантические особенности элатива в коми-зырянском и удмуртском языках

В коми-зырянском и удмуртском языках элатив употребляется при указании на исходную точку отсчёта расстояния и времени. Стандартным средством выражения обоих этих значений в пермских языках является эгрессив.

1. Исходная точка отсчёта расстояния. Элатив указывает на ориентир, от которого начинается измерение расстояния. В конструкцию с элативом вводятся количественные сочетания, а также наречия, прилагательные с квантитативной семантикой. В удорском диалекте зафиксированы конструкции, описывающие расстояние с указанием исходной и конечной точек отсчёта. Примеры: кз. уд. (Лопт.) *Юаныбсис да Вашка Погостэдзыс лöй верст кыксёись водзöдджык*. 'От Юаныба до Погоста на Вашке будет более двухсот верст' [18, 235]; удм. *Ярдурьсь 15–20 метр кемын мур интыез – 3 метр гуэз – вань* [26] 'На расстоянии 15–20 метров от берега есть глубокое место – яма в 3 метра'.

2. Исходная точка отсчёта времени. В удмуртском языке и в ряде коми-зырянских диалектов элатив употребляется при указании на темпоральный ориентир, от которого начинается отсчёт времени. В удорском диалекте зафиксированы конструкции, в которых обозначаются исходная и конечная точки отсчёта времени. Примеры: кз. уд. *Пэрвэйö маййаус' да пйатöйэ маййаэдз*. 'С первого по пятое мая'¹. В присыткывкарском диалекте элативная словоформа при лексеме *аски* 'завтра' реализует значение 'последующий день после временного ориентира': кз. скр. *Майс'ус аскийэ пö выкоднöй*. 'Говорят, что на второй день мая (т. е. второго мая) выходной' [7, 69].

В удмуртском языке элатив, актуализируя начальный ориентир времени, может употребляться при указании на локализацию ситуации между двумя временными ориентирами: удм. *Соин ик 6-тй январьысь 7-тй январе выжон уез но пумитано быдэс семьяен* [26] 'Поэтому ночь с 6 на 7 января надо встречать всей семьёй'.

Семантические особенности элатива в коми-зырянском языке

Значительное количество специфических значений имеет элатив в коми-зырянском языке.

1. Пространственно-посессивное значение. Элатив употребляется при указании на названный через лицо исходный ориентир. Дистрибуция падежа ограничена именами собственными, одушевлёнными существительными со значением 'лицо' и личными местоимениями множественного числа: кз. *Ульяна, кодй бөрря луньясас омöля петавлис Патовьясысь*. (И. Изьюров) 'Ульяна, которая в последнее время редко выходила от Патовых'.

Основным средством выражения этого значения в коми языках является послелог кз. *ордысь*, кп. *ордись*, в удмуртском языке – послелог *дорысь* 'от': кз. *Машö тьöт ордысь петö Кириö*. (Е. Рочев) 'Из дома тети Маши выходит Кирилл'; кп. *И петас роднöй сой ордись оров бур кывсö кывтöг* (фольклор) 'И выйдет от родной сестры орёл, не услышав доброго слова'; удм. *Лыктйсько Петыр дорысь* 'Я иду от Петра'.

2. Значение объекта возмещения. В коми-зырянском языке элатив употребляется при указании на объект, в возмещение которого вносится плата: кз. *Оланінысь мынтім некымын ур*. (А. Афанасьев) 'За жильё заплатили несколько копеек'.

В коми-пермяцком и удмуртском языках это значение передаётся послелогом кп. *понда*, удм. *понна* 'за': кп. *Кучиккез понда Пестерин веитисис аслас төварөн* (В. Баталов) 'За шкуры Пестерин расплатился своим товаром'; удм. *Уй-нунал улэм понна тыроно ог 4 сюрс манет* [26] 'За сутки проживания должны платить примерно 4 тысячи рублей'.

3. Обменный эквивалент (средство оплаты, стоимость). При глаголах, обозначающих обменные процессы (куплю-продажу), элатив указывает на меру, в пределах которой осуществляется действие: кз. *Кум во сайын кымын Демит ньöблис тайö важ ыргөн самöварсö сойваса Пока Иванлысь кум шайтысь*. (П. Доронин) 'Примерно три года назад Демит покупал этот старый медный самовар за три рубля у Пока Ивана из Сойвы'.

В удмуртском и коми-пермяцком языках это значение передаётся инструменталем: кп. – *Донён я меринсö босьтлін? – Сизим рубён?* (фольклор) '– По какой цене покупал мерина? – За семь рублей'; удм. *1 манетэн скал бастылызы* [26] 'За один рубль корову покупали'.

В современном коми-зырянском языке инструменталь в контекстах, описывающих стоимость при купле-продаже, не употребляется. Он, скорее всего, был вытеснен элативом, на что указывают вариативные наречия *донён* [цена. INSTR] 'дорого' и *донысь* [цена. EL] 'дорого'. Как показывают данные ККЯ, наречие с элативным суффиксом имеет более широкое распространение, ср. количественное соотношение наречий при выражении вопроса 'за какую цену': *донён* – 10, *донысь* – 78².

4. Значение темы игры. Стандартным средством выражения значения темы игры в пермских языках является инструменталь. Примеры: кз. *Радейта котравны лызьён, ворсны футболён, баскетболён да теннисён*. (Д. Семьяшкин) 'Люблю бегать на лыжах, играть в футбол,

¹ Сорвачёва В. А. Удорский диалект коми языка. Отчет о научно-исследовательской работе за период 1969–1972 гг. Сыктывкар, 1972. // Архив Коми Научного центра УрО РАН, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 92. С. 243.

² Дата обращения к постоянно пополняющейся базе 20.03.2021.

баскетбол и в теннис'; кп. *Рабочёйез пьд рытöдз орсісö шахматтезöн, доминоöн* (В. Баталов) 'Рабочие до позднего вечера играли в шахматы, домино'; удм. *Тужгес но яратэ баскетболэн, волейболэн но футболэн шудыны* [26] 'Очень любит играть в баскетбол, волейбол и футбол'.

В коми-зырянском языке конкуренцию ему составляет элатив: кз. *Öтув ворсöмаöсь футболысь, рингоысь, шегйысь, челядлы дасьтöм «Пермские образки» пызанывьса ворсöмысь*. (Е. Морохина) 'Вместе играли в футбол, ринго, шег, настольную игру «Пермские образки»'. Как показывает поиск по ККЯ, по частотности употребления элатив значительно уступает инструментально, ср. соотношение элатива и инструменталю с существительными *футбол* – 354:698, *лапта* – 13:24, *домино* – 3:69³.

5. Партитивный объект. В верхнесысольском и в летских говорах лузско-летского диалекта показателем элатива может оформляться существительное в позиции прямого дополнения в случае, когда ситуация трактуется как партитивная. Элативное оформление прямого объекта засвидетельствовано преимущественно в вопросительных предложениях с местоимением *мöй* 'почему', в которых выражена цель получения сведений говорящим у собеседника: кз. вс. *Мöй сэ мында вас'ыс вайан*. 'Почему так много воды несёшь' [5, 69]; лл. *Мöй бы мэ ныль'ыс витчыс' а*. 'Сама не знаю, почему жду дочь' [6, 46].

В современных пермских языках для выражения партитивного значения используются показатели аккузатива [24, 120, 128–131].

Семантические особенности элатива в удмуртском языке

В удмуртском языке элатив употребляется при указании на меру удалённости и исходное количество.

1. Мера удалённости. В сочетании с существительными, обозначающими меру измерения расстояния, элатив указывает на удалённость участника ситуации от ориентира: удм. *Кызыы сое Шарикез кызы иськемысь гуртэзлэсь шедьтэм?* (А. Бурдина) 'Как его нашёл Шарик за 20 километров от деревни?'.

В коми языках удмуртскому элативу в таких контекстах соответствуют послелого кз. *сайсянь*,

сайысь 'за', кп. *ылынасянь, ылынаись* 'за', сформировавшиеся на основе существительных в форме элатива: кз. *Удж вылö ветліс 1,5 километр сайсянь*. (Э. Канева) 'На работу ходила за полтора километра'; *Мукöдыс весиг некымын сё километр сайысь локтöны*. (М. Ладанов) 'Некоторые даже за несколько сот километров приезжают'; кп. *Но матын ваыс эз вöв, сійö тракторöн цистстернаöн ваялісö вит километра ылынасянь*. (В. Баталов) 'Но близко воды не было, её привозили в цистернах на тракторе за пять километров'.

2. Значение исходного количества. Элатив употребляется при указании на исходную или минимальную величину, объём, размер: удм. *Килограмм сіль 198 манетысь 210 манетозь вуиз* [26] 'Цена за килограмм мяса возросла с 198 рублей до 210 рублей'. В этом значении он конкурирует с эгрессивом, который, как показывает материал КУЯ, доминирует по частотности употребления, ср. соотношение падежей с существительными *килограмм* 'килограмм': элатив – 1, эгрессив – 4; *манет* 'рубли': элатив – 18, эгрессив – 124. Эгрессив в таких контекстах представлен также в коми языках: кз. *А Котласын, Устюгын да Архангельскын пуд няньлөн доныс дас шайтсаянь чеччыштис кызыöдз*. (В. Полешиков) 'А в Котласе, Великом Устюге и Архангельске цена на пуд хлеба поднялась с десяти рублей до двадцати'.

Рассмотрим параллели коми-зырянскому элативу за пределами пермских языков. Значение темы игры в прибалтийско-финских языках выражается партитивом, который развился на основе прафинно-угорского аблатива [19, 253], ср. эст. *mängida malet*, ф. *pelata shakkia* 'играть в шахматы', в марийском языке – комитативно-инструментальным послелогом *дене*: *футбол дене модаш* 'играть в футбол', в мордовских языках – инессивом: эрз. *Ещё минек велесэ эйкашитне налксекшныть кончкинесэ, каринесэ, чакшкесэ, чеернесэ* 'Ещё в нашем селе ребяташки играют в жмурки, в журавлики, в горшочки, в мышки' [3, 168]. Коми-зырянский элатив в значении темы игры находит параллели в севернорусских говорах: *Из шарика да из мячика играем*. (Холмог. Арх., Грандилевский) [25, 82].

³ Дата обращения: 19.10.2021.

Для выражения партитивного значения в мордовских языках используется аблатив [3, 164], в прибалтийско-финских языках – партитив [33]. В эстонском языке, по материалам А.-Р. Хаузенберг, в конструкциях с вопросительным местоимением *mis* ‘что’ прямой объект оформляется суффиксом элатива: эст. *mis me ajast raiskame* ‘what are we waisting our time’ [30, 380].

Значение объекта возмещения в эстонском языке передаётся послелогом *eest* ‘за’, в финском языке – элативом: эст. *Kui palju sa selle kleidi eest maksid?*, ф. *Paljonko maksoit sitä leningistä?* ‘Сколько ты заплатил за это платье?’ [31, 64], в марийском языке – дативом: *тунем-мылан тўлаш* ‘платить за учёбу’ [12].

Значение обменного эквивалента (стоимость) в эстонском языке передаётся послелогом *eest* ‘за’ и комитативом, в финском языке – адессивом: эст. *Anu ostis raamatu ainult viie kroni eest / viie kroniga*, *Anu osti kirjan vain viidellä kruunuulla* ‘Ану купила книгу всего за пять крон’ [30, 76]; в ингерманландском финском диалекте – элативом: *Pekko osti Matilt krandasin viijest rūpläst* ‘Пекко купил у Матти карандаш за пять рублей’ [28, 413], в марийском языке – послелогом *дене*: мр. *Окса дене налаш* ‘купить за деньги’ [12], в мордовских языках – аблативом: мокш. *Вейхкса сятта мизе айгоронц* ‘За девятьсот продал своего жеребца’ [3, 166].

Обсуждение и заключение

Составившие элативу соответствия распадаются на две группы: а) единицы с элативно-аблативной семантикой; и б) единицы с неэлативной семантикой. К первой группе относятся аблатив, эгрессив и послелого, диахронически восходящие к элативным словоформам. Межязыковое варьирование элативно-аблативных единиц обнаруживается при выражении пространственного (исходная точка отсчёта расстояния), пространственно-посессивного и отдельных непространственных значений: стимула эмоций, нежелательного участника ситуации, стандарта сравнения, темы сообщения, исходной точки отсчёта времени, исходного количества, меры удалённости. Распределение параллелей к элативу между языками следующее: удмуртский язык – аблатив, эгрессив, послелог, коми-пермяцкий язык – эгрессив, компаратив, аблатив, послелог, коми-зырянский – эгрессив, послелог. В основе развития вариативности

элативных падежей (имеются в виду эгрессив, элатив и аблатив) лежит параметр ориентации, выражающий значение направленности от ориентира, носителем которого является компонент *сь*, содержащийся в суффиксе каждого из этих падежей. В случае, если в вариативный ряд средств выражения значения входит элатив, то можно полагать, что он являлся первичным средством его выражения, так как аблатив и эгрессив по сравнению с элативом являются диахронически более поздними (о происхождении суффиксов элатива, аблатива и эгрессива см.: [4; 29, 179, 190; 32, 383]). Обращает на себя внимание внутриязыковое варьирование падежей с участием элатива. В коми-зырянском языке элатив параллельно с эгрессивом может употребляться при выражении значений исходной точки отсчёта расстояния и времени (удмуртский диалект). В коми-пермяцком языке отмечается: а) варьирование элатива и эгрессива при выражении значения нежелательного участника ситуации/нежелательной ситуации; б) варьирование элатива, эгрессива и компаратива при выражении сравнительных отношений; в) варьирование элатива, эгрессива и аблатива при выражении значения стимула эмоций. В удмуртском языке наблюдаются вариативные отношения между элативом и эгрессивом при выражении значений исходной точки отсчёта расстояния и времени, исходного количества. Следовательно, значения, вошедшие в первую группу, можно экстраполировать на прапермский язык и реконструировать исходное пространственное значение элатива как элативно-аблативное. В этом контексте уместно отметить, что сходная с пермскими языками ситуация частичного варьирования элативных падежей зафиксирована в отдельных родственных языках: элатива и аблатива в ингерманландском финском диалекте [28], эгрессива и элатива / аблатива в вепском языке [8, 144–145; 21, 23–24].

Вторая группа включает послелог кп. *понда*, удм. *понна* (при выражении значения объекта возмещения), инструменталь (при выражении значений темы игры, обменного эквивалента) и аккузатив (при обозначении партитивного объекта), что выделяет элатив коми-зырянского языка на фоне удмуртского и коми-пермяцкого языков. При определении более раннего средства выражения конкретного значения следует учитывать данные как близкородственных, так

и дальнеродственных языков. Во всех пермских языках при выражении партитивного объекта используется аккумулятив, значение темы игры передаётся инструменталем. В этом случае аккумулятив и инструменталь следует считать более ранними средствами выражения указанных значений. Учитывая функционирование наречия *донён* в коми-зырянском языке, можно допустить, что изначально средством выражения значения обменного эквивалента в пермских языках мог быть инструменталь. Что касается послеложного соответствия элативу, то этимологически тождественный послелог представлен и в коми-зырянском языке. Семантическая структура послелога в коми-пермяцком и коми-зырянском языках в целом совпадает; различие составляет значение замещения, ср. семантику послелога *в* [9, 356; 2, 152]. Стоит обратить внимание на то, что в обоих коми языках этот послелог употребляется для указания на лицо, вместо (за) которого выполняет действие участник ситуации, ср. кз. сс. *ме тэяд понда ватё ог вай* ‘я за тебя воду не принесу’ [2, 152]; кп. *тэ понда керны удж* ‘работать вместо (за) тебя’ [9, 356]. В коми-пермяцком языке он выражает значение замещения одушевлённого и неодушевлённого участника ситуации, в коми-зырян-

ском языке – только одушевлённого участника ситуации. В общекоми период этот послелог, скорее всего, не имел ограничений на лексическую сочетаемость с существительными, на что указывают другие его значения.

В дальнеродственных языках коми-зырянскому элативу соответствуют падежные и послеложные единицы с элативной и неэлативной семантикой, причём элативные характерны для прибалтийско-финских и мордовских языков, неэлативные – для марийского языка. В какой мере такие параллели являются результатом независимой эволюции падежей в различных родственных языках, а в какой они обусловлены языковыми контактами, – вопрос, который, по-видимому, пока не может быть решён однозначно. Принимая во внимание наблюдения А.-Р. Хаузенберг о функциональном сходстве элатива коми и эстонского языков [30], можно предположить, что консервации отдельных значений падежей в коми языке способствовали поздние контакты коми и ряда прибалтийско-финских языков. Кроме того, напрашивается вывод о том, что некоторые специфические значения коми-зырянского элатива могли возникнуть в результате контактов с севернорусскими говорами.

Сокращения

Языки: кз. – коми-зырянский; кп. – коми-пермяцкий; мокш. – мокшанский; мр. – марийский; удм. – удмуртский; ф. – финский; эрз. – эрзянский; эст. – эстонский;

Коми-зырянские диалекты: вс. – верхнесыольский; лл. – лузско-летский; скр. – присыктывкарский; сс. – среднесыольский; уд. – удорский;

Коми-пермяцкие говоры: вл. – верх-лупьинский; мыс. – мысовский.

Список источников и литературы

1. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
2. Безносикова Л. М., Забоева Н. К., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Словарь диалектов коми языка. Сыктывкар: Кола, 2014. Т. 2: Ö–Я. 888 с.
3. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Морд. гос. ун-т, 1980. 430 с.
4. Гуляев Е. С. Происхождение падежей с элементом *сь* в коми языке // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 5. С. 131–160.
5. Жилина Т. И. Верхнесыольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
6. Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 272 с.
7. Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971. 276 с.
8. Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепсском языке (История и функционирование форм слова). Петрозаводск: Карелия, 1981. 218 с.
9. Коми-пермяцко-русский словарь: около 27000 слов / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 620 с.

10. Корпус коми языка. URL: <http://www.komicorpora.ru/> (дата обращения: 01.03–30.10.2021).
11. Корпус удмуртского языка. URL: <http://web-corpora.net/> (дата обращения: 01.03–30.10.2021).
12. МарлаМутер. 10-томный словарь марийского языка. URL: <http://marlamuter.com> (дата обращения: 15.06.2021).
13. Международная конференция «Падежи в уральских, алтайских и палеоазиатских языках». Тезисы докладов международной науч. конф. (21–23 октября 2021, Санкт-Петербург). СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 72 с.
14. Мосина Н. М., Мигунова А. С. Категория локативности в эрзянском и финском языках. Саранск: Нац. иссл. Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2021. 108 с.
15. Некрасова Г. А. Вариативность оформления актанта глагола 'бояться' в коми-пермяцком языке // *Linguistica Uralica*, 2016. Т. 52 № 2. С. 103–110.
16. Некрасова Г. А. Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2020. Т. 14. № 1. С. 25–32.
17. Некрасова Г. А. Употребления эгрессива в пермских языках: межъязыковые различия // *Вестник угроведения*, 2021, Т. 11. № 3. С. 470–478.
18. Образцы коми-зырянской речи / под ред. Д.А. Тимушева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. 311 с.
19. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.
20. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.
21. Ревинский М. Систематизация описания реляционных аффиксов грамматикализационного происхождения в финно-угорских языках (на примере именного словоизменения) // *Linguistica Uralica*. 2000. Т. 36. № 1. С. 16–31.
22. Сажина С. А. Словоизменение существительных в языке Кировских пермяков // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2021. Т. 15. № 1. С. 34–44.
23. Святой Стефан Великопермский. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1899. 45 с.
24. Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // *Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59–142.
25. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1977. Вып 12. Зубрёха – Калумагм. 369 с.
26. Удмурт дунне [Удмуртский мир]. 2007 (от 16.10); 2009 (от 04.08, 31.12); 2010 (от 23.07); 2012 (от 10.02, 10.08).
27. Удмуртский фольклор. Пословицы. Афоризмы. Поговорки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.
28. Федотов М. Л. Полисемия показателей аблатива и элатива в финских говорах центральной Ингерманландии // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2012. Т. 8. Ч. 1. С. 371–445.
29. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 p.
30. Hausenberg A.-R. On the Syntactic Distribution of Elative in Komi and Estonian // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum, Turku 20.–27.8.1980*. Turku: Suomen Kielen Seura, 1981. P. VI. *Dissertationes sectionum: phonologica et morphologica, syntactica et semantica*. Pp. 377–382.
31. Pool R. Eesti keele verbirektsioonid. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. 146 lk.
32. Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // *The Uralic Languages. Description, history and foreign influences* / Denis Sinor (ed.). Leiden–New York–København–Köln, 1988. Pp. 351–394.
33. Tamm A. Partitive objects and the partitive evidential marker *-vat* in Estonian express incomplete evidence // *Finno-Ugrische Mitteilungen*. 2012. Vol. 35. Pp. 1–43.

References

1. Batalova R. M. *Komi-permyackaya dialektologiya* [Komi-Permian dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russian)
2. Beznosikova L. M., Zaboeva N. K., Aybabina E. A., Kosnyreva R. I. *Slovar' dialektov komi yazyka. T. 2: Ö–Я* [Dictionary of dialects of the Komi language. Vol. 2: Ö–Я]. Syktyvkar: Kola Publ., 2014. 888 p. (In Komi, Russian)
3. *Grammatika mordovskih yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, spelling, morphology]. Ed. by D. V. Tsygankin. Saransk: Mord. gos. un-t Publ., 1980. 430 p. (In Russian)
4. Gulyaev E. S. *Proiskhozhdenie padezhej s elementom s' v komi yazyke* [The origin of cases with the element s' in the Komi language]. *Istoriko-filologicheskij sbornik* [Historical-philological collection]. Syktyvkar: Komi kn. iz-vo Publ., 1960. Iss. 5. pp. 131–160. (In Russian)
5. Zhilina T. I. *Verhnesysol'skij dialekt komi yazyka* [Upper-Sysola dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 268 p. (In Russian)
6. Zhilina T. I. *Luzsko-letsij dialekt komi yazyka* [Luza-Letka dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 272 p. (In Russian)

7. Zhilina T. I., Baraksanov G. G. *Prisyktyvkarskij dialekt i komi literaturnyj yazyk* [Syktyvkar dialect and Komi literary language]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 276 p. (In Russian)
8. Zaytseva N. G. *Imennoe slovoizmenenie v vepsskom yazyke (Istoriya i funkcionirovanie form slova)* [Nominal inflection in the Vepsian language (History and functioning of word forms)]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1981. 218 p. (In Russian)
9. *Komi-permyatsko-russkii slovar'*: okolo 27000 slov [Komi-Permyak-Russian dictionary: approx. 27000 words]. Comp. by R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1985. 620 p. (In Komi-Permyak, Russian)
10. *Korpus komi yazyka* [Corpus of the Komi language]. Available at: <http://www.komicorpora.ru/> (accessed: March–October, 2021). (In Komi)
11. *Korpus udmurtskogo yazyka* [Corpus of the Udmurt language]. Available at: http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: March–October, 2021). (In Udmurt)
12. *MarlaMuter. 10-tomnyj slovar' marijskogo yazyka* [MarlaMuter. 10-volume dictionary of the Mari language]. Available at: <http://marlamuter.com> (accessed: June 15, 2021). (In Mari)
13. *Mezhdunarodnaya konferenciya «Padezhi v ural'skih, altajskih i paleoaziatskih yazykah». Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 21–23 oktyabrya 2021)* [International Conference «Cases in the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages». Abstracts of reports of the International Scientific Conference (Saint-Petersburg, October 21–23, 2021)]. Saint-Petersburg: OR RAS Publ., 2021. 72 p. (In English, Russian)
14. Mosina N. M., Migunova A. S. *Kategoriya lokativnosti v erzyanskom i finskom yazykah* [The category of locativity in the Erzya and Finnish languages]. Saransk: Nacional'nyj issledovatel'skij Mordovskij gos. un-t im. N. P. Ogareva Publ., 2021. 108 p. (In Russian)
15. Nekrasova G. A. *Variativnost' oformleniya aktanta glagola 'boyat'sya' v komi-permyackom yazyke* [The variability of the design of the actant of the verb 'to be afraid' in the Komi-Permian language]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2016, no. 52 (2), pp. 103–110. (In Russian)
16. Nekrasova G.A. *Var'irovanie padezhnyh suffiksov v sovremennom udmurtskom yazyke* [Variation of case suffixes in the modern Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, no. 14 (1), pp. 25–32. (In Russian)
17. Nekrasova G.A. *Upotrebleniya egressiva v permskih yazykah: mezh'yazykovye razlichiya* [The use of egressive in the Permian languages: interlanguage differences]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (3), pp. 470–478. (In Russian)
18. *Obrazcy komi-zyryanskoj rechi* [Samples of the Komi-Zyryan speech]. Ed. by D. A. Timushev. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1971. 311 p. (In Russian)
19. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Problems of the origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 484 p. (In Russian)
20. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Marijskij, permskie i ugorskie yazyki* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Permian and Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 464 p. (In Russian)
21. Revinskiy M. *Sistematizaciya opisaniya relyacionnyh affiksov grammatikalizacionnogo proiskhozhdeniya v finno-ugorskih yazykah (na primere imennogo slovoizmeneniya)* [Systematization of description of relational affixes of grammaticalization origin in the Finno-Ugric languages (on the example of nominal inflection)]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2000, no. 36 (1), pp. 16–31. (In Russian)
22. Sazhina S. A. *Slovoizmenenie sushchestvitel'nyh v yazyke kirovskih permyakov* [Inflection of nouns in the language of the Kirov Permians]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 15 (1), pp. 34–44. (In Russian)
23. *Svyatoj Stefan Velikopermskij* [St. Stephen of Perm]. Kazan: Tip. Imperat. un-ta Publ., 1899. 45 p. (In Komi-Permian)
24. Serdobolskaya N. V., Toldova S. Yu. *Differencirovanoe markirovanie pryamogo dopolneniya v finno-ugorskih yazykah* [Differentiated marking of direct object in the Finno-Ugric languages]. *Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyj i funkcional'nyj podhody* [Finno-Ugric languages: Fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2012. pp. 59–142. (In Russian)
25. *Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp 12. Zubryoha – Kalumagm* [Dictionary of Russian folk dialects. Iss. 12. Zubrekha – Kalumagm]. Leningrad: Nauka; Leningr. otd-e Publ., 1977. 369 p. (In Russian)
26. *Udmurt dunne* [Udmurt World], 2007 (16.10), 2009 (04.08, 31.12), 2010 (23.07), 2012 (10.02, 10.08). (In Udmurt)
27. *Udmurtskij fol'klor. Poslovicy. Aforizmy. Pogovorki* [Udmurt folklore. Proverbs. Aphorisms. Sayings]. Comp. by T. G. Perevozchikova. Ustinov: Udmurtiya Publ., 1987. 276 p. (In Udmurt, Russian)
28. Fedotov M. L. *Polisemiya pokazatelej ablativa i elativa v finskih govorah central'noj Ingermanlandii* [Polysemy of ablative and elative indicators in the Finnish dialects of central Ingermanlandia]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkih issledovanij: Fenno-Lapponica Petropolitana* [Acta Linguistica Petropolitana. Works of the Institute for Linguistic Studies: Fenno-Lapponica Petropolitana], 2012, no. 8 (1), pp. 371–445. (In Russian)

29. Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 p. (In German)
30. Hausenberg A.-R. On the syntactic distribution of the elative in the Komi and Estonian languages. *Congress Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum* (Turku 20–27.8.1980). Turku: Suomen Kielen Seura, 1981. P. VI. *Dissertationes sectorium: phonologica et morphologica, syntactica et semantica*. pp. 377–382. (In English)
31. Pool R. *Eesti keele verbireksioone*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. 146 p. (In Estonian)
32. Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen. *The Uralic languages. Description, history and foreign influences*. Denis Sinor (ed.). Leiden-New York-København-Köln: E. J. Brill, 1988. pp. 351–394. (In German)
33. Tamm A. Partitive objects and the partitive evidential marker *-vat* in Estonian express incomplete evidence. *Finno-Ugrische Mitteilungen*, 2012, no. 35, pp. 1–43. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Галина Александровна, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор филологических наук, доцент.
komilang@gmail.com
ORCID 0000-0003-4995-4772

ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Galina Alexandrovna, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.
komilang@gmail.com
ORCID 0000-0003-4995-4772